

УДК 101.1: 316

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ИНФОРМАЦИЯ» И «ЗНАНИЯ» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

И.А. Петров

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет» (г. Тверь)

Проводится анализ существующих позиций в вопросе о категориальном статусе понятий «знания» и «информация». Раскрывается содержание и соотношение понятий «знания» и «информация». Научный интерес обозначен проблемой соотношения понятий «знание» и «информация», так как в последнее время наглядно прослеживается терминологическая подмена понятий.

Ключевые слова: информация, знания, процесс познания, современное общество.

Глубокие революционные изменения в современном обществе, прошедшие за последнюю четверть XX столетия, повлекли за собой изменение понимания важности знания и становление механизмов его порождения из всего объема имеющейся информации. Хотя знания, как известно, всегда играли существенную роль во всех сферах деятельности людей, в наши дни его роль принципиально изменилась. Это связано, прежде всего, с возрастанием роли всех видов коммуникаций, информационных продуктов и услуг, создание глобального информационного пространства. Изучение знания как такового имеет свою историю, уходящую глубоко в века. Процесс познания, его онтология, архетипы, механизмы и структурность – темы, которые приходят из истории философской мысли. Будущее развитие этих тем безгранично, так как процесс познания бесконечен и объективно многообразен. Многообразие формируется эпохой и временем существования познающего индивида, а также уровнями развития наук и организацией научного процесса познания.

Во второй половине XX в. в гносеологии появилась новая категория информация. Развитие естественнонаучного знания закрепило атрибутивный статус категории информации и предложило новый уровень и возможности познания. Неопределенность в употреблении двух понятий – знания и информации поставила вопрос о соотношении объемов и содержания этих понятий. Анализ проблемы соотношения двух понятий начнем с экскурса в историю философской мысли. И здесь ясно, что категория знания имеет несомненное исторически бытийное преимущество.

В «Государстве» Платона можно прочесть, что «знание само по себе соотносится с самим изучаемым предметом, знание какого бы предмета мы не взяли: оно таково потому, что оно относится к такому-то и такому-то предмету» [8, с. 211–212]. Знание, по Платону, существ-

вует, как и любая другая идея, объективно, и развитие этой идеи, или познание ее происходит в соотношении с предметом. «Какие качества имеет предмет знания, таким становится и само знание» [там же, с. 212]. Следовательно, изучение знания через призму информации возможно и допустимо. Часть знания, которая реализуется посредством информации, обладает теми же качественными и количественными характеристиками, что и итоговый результат – информация.

Аристотель возражал, что сущность вещи не может быть вне самой вещи, важно познать не «образец образца», а сам образец, то есть суть самого предмета или идеи. Следовательно, знание как сущность, идея познаваемо само по себе, а не только в соотношении с каким бы то ни было предметом.

В конце XVIII в. И. Кант обозначил знание как особую систему терминов, с присущими ей гносеологическими характеристиками. У Канта «мыслить себе предмет» на уровне «чистого знания» невозможно, как невозможно собственно процесс мышления или «чувственного созерцания» ограничить рамками знания. «Чистый рассудок» есть начало опыта (априорного познания), мышление только тогда поднимается до уровня познания, когда оно априорно. И только «возможность опыта есть то, что дает реальность всем нашим априорным знаниям». По Канту, знание должно иметь объективную реальность, «т. е. относиться к предмету и в нем иметь значение и смысл», знание на уровне мышления лишь «игра представлениями». И далее, «мыслить себе предмет и познавать предмет не есть, следовательно, одно и то же. Для познания необходимо иметь, во-первых, понятие, посредством которого вообще мыслится предмет (категория), и, во-вторых, созерцание, посредством которого предмет дается» [3, с. 233]. Здесь можно отметить, что познание на уровне категориального аппарата предполагает его фиксацию (речевую, текстовую, машиночитаемую), а это исходная точка семантической информации.

Неокантианцы (Э. Кассирер, Г. Коген, П. Наторп) критически преобразовали теорию познания Канта. Они отвергли концепцию «вещи в себе» и сделали вывод, что познание может быть неполным не от того, что оно сопряжено с чистым мышлением, а потому, что есть ступени познания, иначе – мера познания. Гегель, преодолев кантовский дуализм вещей в себе и явлений, должного и сущего, приходит к принципу тождества познания и мышления, мышления и бытия. Если у Канта мыслить еще не значит познавать, то у Гегеля мышление и сознание совпадают, и определение категории уже есть абстрактное знание.

В европейской философии было введено понятие субъекта познания, которое стало необходимым в общей характеристике знания и познания. Предполагалось, что познавательные способности имеют два уровня: чувственное познание действительности и рациональное познание. Сенсуалисты считали, что познавательные способности человека

связаны, в первую очередь, не с мыслительным процессом, а с органами чувств и сводили все содержание познания к способности человека получать информацию о реальном мире при помощи органов чувств: «у нас нет никакого основания воображать, что если бы человек имел больше чувств или органов, он познавал бы также больше свойств или вещей природы. Их не больше во внешнем мире, как в неорганической, так и в органической природе» [13, с. 632]. Несомненно, все формы чувственного отражения (ощущения, восприятия, представления) способствуют познанию внешнего мира, но, вместе с тем, они, подчеркивая значимость человеческой чувственности, ограничивают саму сферу познания биогенетическими, биосоциальными и психофизиологическими факторами. Чувственное отражение отнесем к психофизиологическому феномену. Восприятие информационных потоков в субъектно-объектных отношениях – составная часть процесса познания, но в результате не обязательно происходит формирование знания как такового. Информационное воздействие на чувства субъекта (цвет, запах, вкус) формирует познавательные способности человека и не связано с познавательной деятельностью человека.

Процесс человеческого познания в целом, процесс научного познания в особенности, характеризуется рациональностью. Идея рациональности познания была выражена К. Поппером в его концепции критического рационализма: «Я использую слово “рационализм” для того, чтобы обозначить, грубо говоря, позицию, которая стремится решать как можно больше, проблем посредством апелляции к разуму, т. е. ясному мышлению и опыту, а не посредством апелляции к эмоциям и страстям» [9, с. 224]. Своеобразие рационализма Поппера распространяется на гносеологическую интерпретацию научного знания и знания вообще. Делая акцент на гипотетическом характере научного знания и принципиальной зависимости знания от неизбежных ошибок, Поппер делает вывод о предположительном характере научного знания. Ученик К. Поппера И. Лакатос расширил понимание научной рациональности, связав его с понятием исследовательской программы. Он пришел к выводам, что рациональные элементы любой научной теории обязательно дополняются догматическими положениями и опровержение отдельных разработок не обязательно ведет к опровержению теории в целом.

Близок к И. Лакатосу его современник Т. Кун, родоначальник парадигмальной модели научного знания. Согласно этой модели научная деятельность является рациональной в той степени, в которой ученый в своей деятельности руководствуется определенной «дисциплинарной матрицей» [4, с. 237–244] или парадигмой, принятой научным сообществом. Разрабатывая научную парадигму и достигая определенного уровня знания в ее контексте, ученый ставит и решает познавательные проблемы в свете метафизических допущений, символических обобщений, когнитивных ценностей, свойственных наличной парадигме.

В конце XX в. для философско-эпистемологических исследований большой интерес представляет информационно-технологический подход к знанию. В рамках обозначенного подхода проблемы сопряжены со способами представления знаний и способами приобретения знаний. Но несомненно, что исследование знания как такового простирается за пределы эпистемической логики (формализации знания в базах данных и базах знаний) и искусственного интеллекта.

Наш научный интерес обозначен проблемой соотношения понятий знания и информации, так как в последнее время наглядно прослеживается терминологическая подмена понятий. Двойственность гносеологических категорий знания и информации является дискуссионной темой для всех, кто в той или иной степени употребляет эти понятия в своей профессиональной научной лексике. В спорах высказываются разнообразные мнения, порой взаимоисключающие друг друга.

Позиция тождества (обозначим ее первой) имеет своих убежденных сторонников. В «Современном философском словаре» под ред. В.Е. Кемерова можно прочитать, что «знание это – информация об окружающем мире и самом человеке» [11, с. 602]. В приведенном высказывании фактически ставится знак равенства между двумя понятиями, или, точнее, признается их тождество.

Существуют два вида попыток отождествить эти два понятия. Первая попытка – суждение о том, что если знание передается по естественным или искусственным информационным каналам, оно становится безличностным и не имеет ни начала, ни конца. Второй вид интеллектуальной ловушки состоит в абсолютизации так называемой «компьютерной метафоры», согласно которой сознание человека можно уподобить компьютеру, поэтому любой феномен сознания может иметь информационный характер, так как порожден функционированием этого компьютера. Следует заметить, что компьютерная метафора сегодня может дать своим сторонникам лишь теоретическую надежду на сведение знания к чисто информационным феноменам. Необходимо добавить, что искусственный интеллект не может претендовать на какое-либо сопоставление с безграничными познавательными способностями человеческого интеллекта.

Развитие компьютерной метафоры пошло по другому направлению. Созданы так называемые экспертные системы, которые оперируют в большей степени знаниями, чем информацией. Создание и внедрение «экспертных систем – компьютерно-обеспеченных человеко-машинных систем принятия решений» [11, с. 67] ориентировано на любую область знания (медицина, геология, техника, образование, социальное управление и т. д.). В памяти экспертных систем хранятся знания многих специалистов, хорошо знающих данную предметную область. При разработке в систему закладываются начальные знания. В процессе эксплуатации система способна генерировать знания.

Реализация такого рода задач ныне облекается в форму компьютерной революции. Современная компьютерная революция связана с радикальными изменениями в средствах социализации знаний, изменениями субъекта социализации и социокультурного пространства функционирования человеческого и «компьютерного» знания. И если с технической основой процессов компьютеризации многое ясно (усовершенствование развивается в геометрической прогрессии), то в понимании познавательной сущности компьютеризации, последствий ее внедрения во все структуры жизнедеятельности социума пока еще существуют проблемы. Наиболее критической проблемой для создания большей части экспертных систем является проблема представления знаний для их переработки в машине. Эти знания обычно подразделяются на декларативные (отвечающие на вопрос – что?) и процедурные (отвечающие на вопрос – как?). Значит ли это, что между информацией и знаниями можно поставить знак тождества? Или же информация и знания – различные категории и следует предположить, что одни системы работают с информацией, а другие имеют дело со знаниями. Тогда в чем различие знаний и информации? Исчерпывающих ответов на эти вопросы все еще нет. Нет достаточно строгих определений тем категориям, которыми приходится оперировать в информационном процессе познания окружающего мира. Это еще одна причина для осмысления этой проблемы в рамках философии.

Трудно согласиться с позицией тождества, так как на уровне гносеологии процессы отношения к знанию нельзя рассматривать в виде отчуждения от понимающей и постигающей личности. Мы уже приводили пример содержания знания в экспертных системах. Но экспертные системы скорее интерпретируют отчужденные от индивида знания. Интерпретированное знание остается знанием, но это уже новый тип знания – информационное знание. Само понятие информационного знания появилось в процессе научных разработок в рамках гносеологии о том, что представляет собой знание, как оно возникает и, самое важное для нашего вопроса, как оно развивается и переходит из одних форм в другие.

Процесс познания как рост знания ныне характеризуется быстрым обновлением различных его систем, появлением новых научных дисциплин и направлений исследования, а также более сильной детерминацией этих процессов со стороны общественно-экономической практики, со стороны культурного многообразия. Поэтому из всего перечня теоретических проблем, связанных с категорией знания, выделим те, которые связаны с качественно новыми социокультурными условиями функционирования знания в информационном обществе. Особенности современного движения информации, развитие информационных процессов способствуют возникновению не имеющего себе аналогов социокультурного феномена, кардинально влияющего на все стороны общественной жизни, в том числе на специфику развития знаний, их

приобретение, хранение, передачу, использование. Особую актуальность в связи с этим приобретает анализ основополагающих характеристик собственно знания и информации, а также рассмотрение проблемы взаимосвязи знания и информации, динамики знания в социально-информационной среде.

Продолжая анализ характеристик знания и информации, заметим, что знание всегда лично, социально. Чтобы приобрести собственное знание из получаемой информации, надо уже обладать некоторыми знаниями, к которым можно нарастить новое. Отчуждение даже в форме умозрительной операции лишает знание его специфических черт – неотъемлемости от человека, от личности, сознания. Отчужденность знания предполагает его фиксацию и функционирование в системах социальной коммуникации. На этом уровне – фиксации и функционирования – знание реализуется как информация, а точнее, как видовая часть информации. Включение знания в коммуникационные процессы превращает его в информацию. Происходит «материализация» знания в обществе.

Информация в противоположность знанию не связана с конкретной личностью, она равнодоступна всем. То, что транслируется по цепочке от делающего к подражающему, от знающего к воспринимающему знание, записывается в памяти, на бумаге, других носителях, и становится доступным всем и каждому. Знание обладает временной характеристикой. Оно существует «здесь и теперь». И наоборот, информация выступает как «законсервированное знание», доступное «везде и всегда». Сторонники второй позиции по проблеме соотношения знания и информации отрицают их тождество. Они утверждают, что данные понятия принадлежат к различным концептуальным системам, которые возникли в разное время и являются ключевыми понятиями разных термосистем – гносеологии и информологии. Следовательно, термины знание и информация не являются однопорядковыми, одноуровневыми, что, разумеется, не исключает возможности выяснения их соотношения [1, с. 17–30]. Выявление сфер их функционирования в системе научного знания следует начинать, по мнению И.А. Давыдова и Н.А. Слядневой, с определения иерархии в научной картине мира информологии и гносеологии. Вслед высказанному суждению делается вывод, что рассматриваемые понятия не принадлежат к единой научной сфере и обращаться с ними следует очень корректно. Различая знание и информацию по иерархическим уровням или уровням познания, подчеркивается статус знания. Согласно данной трактовке, информация – это «сырые» сведения, данные, не подвергшиеся логическому анализу, т. е. вмешательству научной, концептуальной обработки, а собственно знание – это теории, обобщения, закономерности и т. д. Эта истолкование нередко используется в информатике, когда необходимо подчеркнуть значимость гипертекстовых систем как баз знаний в отличие от продукта более низкого ранга – баз данных.

Обратимся к статье А.В. Соколова, в которой читаем, что в современной науке пока не найден фундаментальный критерий для отнесения того или иного феномена к информации. Автор отказывает информации в реальном эквиваленте: «... информация это миф, пустая абстракция, условное понятие, подобное искусственно вводимым учеными для удобства теоретических построений, типа мнимого числа в математике, идеального газа в физике и т. п.» [10, с. 13–22]. Позволим себе с этой трактовкой не согласиться. Логика развития современного научного знания выдвинула это понятие на роль общенаучной категории. Обобщающее понятие отличается от условного тем, что первое имеет реальное онтологическое представительство, суть которого – в выделении общих, сущностных свойств, закономерностей, сторон многообразных явлений. Такому обобщающему понятию нельзя искать эквивалент на одном уровне с обобщаемыми им явлениями, объектами. Поэтому как бы не понималась информация, очевидно, что она не имеет одноуровневого онтологического представительства наряду со знанием, фактами, текстами, данными, ибо все это ее частные проявления.

Бурное внедрение понятия «информация» и принципов информационного подхода во все сферы научного знания, практику и эвристику говорит о том, что понимание информации как предельно всеобщей и универсальной категории с очень широким онтологическим представительством допустимо и перспективно. Развитие средств связи и коммуникаций, кибернетических электронных устройств выдвинули на первый план категорию информации в роли действующей абстракции, обобщающей частные феномены, свойства отдельных, качественно несовместимых явлений и процессов, вскрыв их фундаментальную общность.

В проблеме соотношения знания и информации существует третья концепция – отраженного разнообразия, согласно которой «знание – это в определенном аспекте часть информации вообще, но вместе с тем научная информация представляет собой некоторую сторону научного знания» [12, с. 102]. Автор этой концепции А.Д. Урсул пришел к выводу, что знание есть результат отражательного процесса, а информация представляет собой лишь определенную сторону отражения, часть отраженного разнообразия. Развивая данную мысль, можно сказать, что знание как отражение действительности более широкое понятие, чем информация. Информация – это часть отображения или определенная характеристика разнообразия знания.

В философской литературе типологий знания множество. Остановим внимание на примере типологии, где присутствует аспект соотношения знания и информации. В частности, у Ю.А. Шрейдера существует три типа знания: «личное знание, знание в виде социальных эстафет (передающих культурные образцы) и информация (отчужденное знание)» [14, с. 3; 14]. Ясно, что между этими формами знания устанавливается определенное взаимодействие. Личное знание реализуется в

социальных эстафетах и отчуждается в виде текстов, предметов практической деятельности, в системах символов. Личное знание лежит в основе понимания, т. е. способности индивидуума воспринять информацию. Трансляция знания предполагает его отчуждение, предметное воплощение, фиксацию на носителе. Отчужденность знания от субъекта – тот важный момент, когда знание становится информацией. В этот момент информация оказывается не только стороной или частью знания, именно того знания, которое может быть передано другим людям, но и более широким феноменом, чем знание, так как в любом конкретном случае информация может выступать как знание научное, ненаучное, может быть ложью или дезинформацией.

Знание всегда предполагает истинность: «знание – самое общее выражение для обозначения теоретической деятельности ума, имеющей притязание на объективную истину (в отличие, например, от мышления или мысли, которые могут быть заведомо фантастичны)» [5, с. 320]. Информация лишена характеристики истинности. Знания – это результат познавательной деятельности человеческого интеллекта. Человеческий интеллект не только порождает знания, но и обеспечивает их целенаправленное использование в процессе жизнедеятельности. Кроме того, знание включает в себя такие категории, как воображение, неявное знание, волю, интуицию и т. д. Исходя из различных посылок, знание классифицируют, выделяя научное, обыденное, практическое, социально значимое, личностное и др. Но самой характерной чертой знаний при всем их многообразии является их динамический и творческий характер.

Важно также, что они представляют собой открытые системы. Невозможно точно установить всю совокупность того, что знает человек, и определить четкую границу, отделяющую знания от предположений или догадок, тем более что знания находятся в постоянном изменении. Такими знания остаются до тех пор, пока они не отчуждаются от человека. Отчужденные знания носят автономный и закрытый характер. В этом случае они теряют многие из перечисленных выше качеств и, в частности, лишаются творческого начала, обретают статичность. Не случайно по поводу различия знания и информации существует такая формула: «информация – это знания минус человек» [6, с. 11]. Информация, как мы уже говорили, это универсальная и сущностная сторона бытия. Смысл универсализма феномена информации определяется во взаимосвязи с субъектом познания. Рассмотрение знания как онтологического феномена означает, что знание понимается «не просто как информация о мире, а как форма знающего бытия человека» [2, с. 94]. Поэтому в нашем представлении, информация – это воплощенное знание, а также условие, способ существования, распространения и появления нового знания.

Функционирование знания невозможно без его преобразования в статус информации. Если «знание – есть субъективное состояние сво-

бодного существования в мире» [7, с. 112], то информация – это функциональное воплощение этого свободного существования. Существующее знание всегда информационно. Незнание также информационно. И то и другое существует благодаря информационному воплощению. В данном контексте нужно понимать информацию как воплощенное знание, а также как систему реализации способов и средств воспроизводства, сохранения, передачи и преобразования имеющегося знания. Воплощенное знание, материализуясь, приобретает динамизм, в нем фиксируется мера изменений. Кроме того, информация всегда выступает как условие репродуктивности знания. Поэтому важно понять, что информация – это условие, а также средство репродукции и функционирования знания.

Восприятие информации снижает неопределенность знаний об окружающей действительности. Стремление обеспечить себя информацией возникло в связи с тем, что социальная активность в любой ее форме всегда диктуется потребностями человека. Поэтому в разнообразии типологий знаний предметное (отраслевое) знание более содержательно и ближе к объективной истинности. Информация, заложенная в нем, снимает неопределенность знания. Чем выше определенность знания, тем ближе оно к истинности. Что же касается непосредственно феномена информации, то распространение информации и информационных процессов в человеческом сообществе далеко не всегда можно интерпретировать как ведущие к снижению неопределенности ситуации. Неактуальная информация (шум) имеет подчас не меньшее значение, чем актуальная. Для социальной и культурно значимой информации, помимо актуальности важны адекватность, достоверность, полнота, новизна, релевантность, убедительность, выразительность, воспринимаемость.

Степень содержательности знания тем выше, чем больше в нем информации, которая будет опосредована через человеческую деятельность. Потребность в информации сама организует информационный поток, ограничивая его содержание той информацией, которая необходима в каждой конкретной области деятельности. Чем больше востребованного содержания в знании, тем больше в нем мера информации. Востребованная информация носит деятельностный характер. Степень содержательности знания тем выше, чем в большей степени оно воспринимается субъектом. Здесь играют большую роль физиологические возможности человека, а также его потребности и компетентность. Иными словами, знание должно обладать той мерой информации, которая бы обеспечивала степень свободы выбора, достигаемой получателем, извлекающим из этой информации новое для себя знание.

Информационная среда – важный компонент нашей культуры, она заполнена социальной информацией. Социальная информация – это воплощенная (превращенная) форма знания, позволяющая неограниченно транслировать этот отчужденный и материализованный (закреп-

ленный на носителе) компонент знания в обществе, сделав это знание общественным достоянием. Историческая ретроспектива показывает, что реально действующими социокультурными факторами являются лишь те знания, ради трансляции которых в обществе и существует инфосреда, а любые попытки наполнить информационное пространство информацией, не соответствующей потребностям социального времени, выступают информационным шумом (информация преждевременна или вообще не будет востребована), преднамеренной дезинформацией или просто информационным бескультурьем.

Исходя из вышеизложенного, сделаем выводы:

– вопрос о необходимости дифференциации общественного бытия информации и знания, соотношения этих двух понятий как основных слагаемых информационной среды социума достаточно давно поставлен в научной литературе. Исследователи самых различных специальностей указывают на несовпадение и в то же время на определенную соотношенность знания и информации;

– устойчивое мнение о семантической дифференциации информации и знания является оправданным, так как они являются взаимодополняющими сторонами процесса познания. Частично совпадая по содержанию, знание и информация различаются по степени адекватности объекту отображения и, следовательно, по своей возможности удовлетворить практические и духовные потребности социума. Знание есть результат процесса репрезентации объекта, а информация представляет собой лишь определенную – содержательную сторону такового, часть отображенного разнообразия;

– на уровне фиксации и функционирования знание реализуется как информация, а точнее, как видовая часть информации. Включение знания в коммуникационные процессы превращает его в информацию. Здесь можно сделать вывод, что информация – это отчужденное знание. Отчужденность знания – тот важный момент, когда знание становится информацией. В момент отчуждения информация оказывается не только стороной или частью знания, именно того знания, которое может быть передано другим людям, но и более широким феноменом, чем знание, так как в любом конкретном случае информация может выступать как знание научное, ненаучное и т. д.;

– знание обладает временной характеристикой. Оно существует «здесь и теперь», а информация выступает как «законсервированное знание», доступное «везде и всегда»;

– знание всегда предполагает истинность. Информация, в отличие от знания, лишена характеристики истинности;

– знание лично, оно носит динамический и творческий характер. Информация – это всегда код, зафиксированный сигнал, в этом проявление ее статичности;

– знания – открытые системы. Информация ограничена структурными и содержательными рамками;

– информация – это функциональное воплощение свободного существования знания. Существующее знание всегда информационно. Незнание также информационно, и то и другое существует благодаря информационному воплощению;

– информация всегда выступает как условие и средство репродукции знания (и не только знания, культуры);

– восприятие информации снижает неопределенность знаний об окружающей действительности. При этом информационный шум может быть фоном объективной реальности.

Через философское осмысление проблемы соотношения информации и знания, рассмотрение их важнейших характеристик и функций мы получаем возможность более глубоко понять смысл и роль информатизации в современном обществе. Именно осознание роли знания и информации в решении современных проблем научного и социального развития привело к понятию «общество знания». Информация и знание становятся стратегическими ресурсами и влекут за собой значительные социальные изменения.

Список литературы

1. Давыдова И.А., Сляднева Н.А. Библиография: Знание? Информация? Фактография? // Библиография. 1993. №4.
2. Звегинцев В.А. Компьютерная революция: проблемы и задачи // Вопр. философии. 1987. №4.
3. Кант И. Критика чистого разума // Собр. соч.: в 6 т. М., 1964. Т. 3.
4. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
5. Лебедев С.А. Философия науки: Словарь основных терминов. М., 2004.
6. Микешина Л.А., Опенков М.Ю. Новые образы познания и реальности. М., 1997.
7. Невважай И.Д. Свобода и знание. Саратов, 1995.
8. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1994. Т. 3..
9. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. М., 1992. Т. I.
10. Соколов А.В. Информация: феномен? функция? фикция? // Филос. науки. 1990. №9.
11. Современный философский словарь / под ред. Кемеров В.Е. М.; Екатеринбург, 1996.
12. Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке: философ, очерки. М., 1975.
13. Фейербах Л. Избранные философские произведения. М., 1955. Т. 2.
14. Шрейдер Ю.А. Двойной облик современной информатики // Природа. 1988. №5.

15. Шрейдер Ю.А. Когнитивный подход как средство преодоления противоречия между техническим и культурным аспектами знания // МФИД. 1997. Т. 17. №2.

**ON THE RELATIONS BETWEEN THE NOTIONS
OF «KNOWLEDGE» AND «INFORMATION»
IN THE CONTEMPORARY SOCIETY**

I.A. Petrov

Tver State University, Tver

The analysis of different approaches to the categories of «knowledge» and «information» is given in the article's format. The notions of «knowledge» and «information» are compared and clearly defined. As a result, it becomes possible to get over the confusion in their usage existing in contemporary approaches to the problem.

Key words: *information, knowledge, process of knowing, contemporary society*

Об авторе:

ПЕТРОВ Илья Александрович – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», e-mail: ipetrov@mail.ru